

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП (б)

Курс истории СССР

На правах рукописи

Проф. К.В. БАЗИЛЕВИЧ

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА**

**РАЗГРОМ ПОЛЬСКОЙ И ШВЕДСКОЙ
ИНТЕРВЕНЦИИ**

*Стенограмма лекций,
прочитанных 29 и 30 декабря 1939 г.*

МОСКВА 1940

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В НАЧАЛЕ XVII В. И БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С ПОЛЬСКОЙ И ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЯМИ

Предпосылки крестьянской войны в России в начале XVII в.

Ближайшие современники крестьянской войны в Русском государстве в начале XVII в. называли ее по наиболее осязаемым результатам «великим московским разорением», отличая это «великое разорение» от многих других, более мелких. Но уже московские люди первой половины XVII в. стали размышлять над причинами тех необычайных событий, свидетелями которых они были. Бежавший в 60-х годах этого столетия в Швецию московский подьячий Григорий Катошихин назвал события начала XVII в. «Смутным временем». В этом названии был уже заключен элемент того понимания, которое потом вылилось в законченную концепцию русской дворянской историографии: народ будто бы «смутился», оставшись без царя.

Историки XIX в. также называли классовую борьбу начала XVII столетия «Смутным временем», потому что причину народных волнений видели в династическом вопросе. Прекращение династии Рюриковичей со смертью Федора Ивановича вызвало борьбу за трон, «смуту», которая охватила все основные слои русского общества. Если эта схема и изменялась по мере углубления исследований, то все же династическая причина оставалась ее главным стержнем.

Научно объяснить события начала XVII в. можно лишь только в том случае, если мы будем изучать их со стороны основного противоречия феодального общества - противоречия между непосредственным производителем и феодальным собственником земли. Маркс и Энгельс указывали на то, что «все крупные восстания средневековья исходили из деревни». Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» подробно остановился на анализе крестьянских войн. На большом историческом материале он выяснил причину крестьянских движений, их характер, связь с городским движением, которое выступает в виде «плебейской оппозиции». Классики марксизма объяснили также причины слабости крестьянских войн в феодальную эпоху, локальную ограниченность в восстаниях крестьянства, отсутствие ясного классового самосознания.

На крестьянских войнах в России в феодальную эпоху неоднократно останавливались В.И. Ленин и И.В. Сталин. В.И. Ленин подчеркивал прогрессивность крестьянских войн, которые расшатывали устои феодальной эксплуатации. Хотя одни крестьяне не могли победить, но все же крестьяне боролись «как умели и как могли». В то же время В.И. Ленин отмечает органическую слабость крестьянских войн. «Когда было крепостное право, - пишет В.И. Ленин, - вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было

помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»¹).

Товарищ Сталин так же, как и В.И. Ленин, отмечая историческое значение крестьянских войн в борьбе с устоями феодального строя, дал точное объяснение неудач крестьянских восстаний. «...Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»²).

Таким образом, корни крестьянских восстаний начала XVII в. находятся не в династических спорах, а в противоречиях социально-экономического развития Русского государства XVI в., когда с усилением феодальной эксплуатации феодальная зависимость крестьян облекалась в юридическую форму крепостного права. Близость народного восстания сознавалась некоторыми, более наблюдательными русскими и иностранными современниками. В «Беседе валаамских чудотворцев», памятнике, вышедшем из боярской среды, уже заключалось предвидение возможного народного восстания. Неизвестный нам автор этого произведения говорит, что «при последнем времени» запустеют волости и села, что люди, которых никто не будет гнать, начнут уменьшаться, в числе, земля «начнет пространнее быти, а людей будет меньше и тем достальным людям будет на пространной земле жити негде». В этой же части памятника автор предсказывает наступающий кризис царской власти: «Цари на своих степенях царских не возмогут держатися и почасту переменяться начнут».

С наблюдениями русских современников вполне согласуется впечатление иностранцев. Англичанин Флетчер, побывавший в Москве в 1588-1589 гг. и выпустивший в Лондоне вскоре после своего возвращения книгу о Москве, описывая ужасы опричнины, говорит: «Столь низкая политика и варварские поступки (хотя и прекратившиеся теперь) так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно кончиться (повидимому) не иначе как всеобщим восстанием».

Накопившееся в течение долгого времени классовое возмущение в начале XVII в. вспыхнуло крупным народным восстанием, которое затем превратилось в крестьянскую войну.

Положение страны перед началом крестьянской войны

После смерти царя Ивана IV в 1584 г. царский престол занял его старший сын от Анастасии Романовой - Федор. Младший сын царя Ивана от

¹ Ленин. Соч., т. V, стр. 311.

² Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9. Партиздат. 1933.

последней жены Марии Нагой, царевич Дмитрий, которому в момент смерти отца едва исполнилось два года, был послан вместе с матерью и некоторыми родственниками в город Углич. Хотя он, по московским порядкам, не имел права на наследование престола (Мария Нагая была седьмой женой Ивана Грозного, тогда как церковь признавала «законными» не более трех браков), но близкие люди к Федору Ивановичу опасались интриг в пользу малолетнего царевича.

При вступлении на царствование Федору Ивановичу было уже 27 лет, но по умственному развитию он, по единогласному признанию русских и иностранных современников, напоминал взрослого ребенка. Существует много характеристик царя Федора. Однако при разнообразии в оттенках они сходятся в общем мнении, что этот царь был совершенно не способен к государственным делам. По словам русской официальной и полуофициальной литературы, царь Федор был «блаженным», «царем-иноком», который, по образному выражению одного современника, «земное царство и красное мира совершенно оплевав». Наружность царя, описанная англичанином Флетчером, дает ясное представление о признаках слабоумия и вырождения. Царь был маленького роста, приземистый и толстоватый, слабые ноги с трудом поддерживали корпус, который даже по виду обнаруживал склонность к болезни. Федор постоянно улыбался и смеялся. У него было два любимых занятия: наблюдать как дерутся перед ним шуты и звонить в колокола. Последняя склонность появилась очень рано. По некоторым известиям, даже царь Иван упрекал Федора, что тот создан быть звонарем, а не царем. Шведский король Иоанн в официальной речи на сейме откровенно говорил: «русский царь несколько помешан. Русские на своем языке называют его «дурак». При слабоумном и безвольном царе Федоре власть перешла в руки приближенных к нему лиц. К ним принадлежали его родственники и некоторые из любимцев царя Ивана последних лет его жизни. По родственным отношениям к царю близко стоял дядя по матери старик Никита Романович Юрьев. Значительным влиянием на царя пользовались также бывшие опричники Богдана Бельский и Борис Федорович Годунов; последний, кроме того, приходился шурином царя, который был женат на его сестре. К этим лицам близко стояли князья Шуйские, в свое время спасшие себя, путем полнейшего подчинения опричнине. Таким образом, среди лиц, окружавших царя Федора, не могло быть общих интересов: с одной стороны, это были выходцы из опричнины, с другой стороны, - старые московские бояре.

Между тем Федор Иванович начинал царствование при очень больших внутренних затруднениях. Страна, пережившая опричнину и долголетнюю Ливонскую войну, еще не вышла из состояния жестокой экономической разрухи. Целые волости были запустошены, а многие посады лишились половины и даже больше населения. Между землевладельцами всех групп (монастырями, светскими вотчинниками и помещиками) происходила жестокая борьба за землю и за крестьян. Недостаток рабочих рук в феодальных владениях значительно повышал спрос на кабальных холопов. Для закабаления употреблялись различные средства, одних

завлекали подарками, других «примучивали», с третьих брали кабальную записав пьяном виде.

Террор опричнины резко нарушил соотношение сил между боярством и дворянством в пользу последнего. Значительное число княжеских и старых боярских родов навсегда прекратило существование. Другая, меньшая часть титулованного боярства сумела путем полного подчинения опричинному режиму избежать гибели и даже сохранить свои родовые вотчины. Однако и она после смерти Грозного не могла мечтать о возвращении к доопричинному порядку. Показателем изменений, происшедших в составе боярства, была сама Боярская дума. В ней в конце XVI в. сохранилась только часть старых княжеских родов, но в то же время появилось много новых, менее родовитых фамилий, выдвинувшихся при царе Иване IV. Поэтому Боярская дума не могла стать органом боярской реакции. Однако противоречия между сильно поредевшим боярством и численно выросшим в XVI в. мелкопоместным дворянством не исчезли и в дальнейшем привели к новым столкновениям между этими группами господствующего класса.

После смерти царя Ивана придуренная боярская знать тотчас подняла голову и сделала первые попытки воспользоваться ослаблением верховной власти для восстановления своего положения.

Существует известие, что Богдан Бельский, опричник в прошлом, старался убедить царя Федора восстановить опричнину. Помимо личного интереса Бельским, повидимому, руководило опасение, что бояре захватят власть. Бояре, узнавшие о переговорах Бельского с царем, бросились в Кремль, но стрельцы, поддерживавшие Бельского, отказались их пропустить. Тогда к Кремлю собралась большая толпа народа; возбужденная известиями о восстановлении опричнины. Бояре, воспользовавшись народным движением, настояли на ссылке Бельского.

Однако боярству, лишенному внутреннего единства и разбитому опричниной, еще труднее было сплотиться, чем в малолетство Грозного. Между тем среди окружавших царя лиц произошли крупные изменения. После смерти Никиты Романова, который фактически управлял страной за слабоумного царя, среди остальной дворовой знати резко выделился Борис Годунов.

Бояре, боявшиеся возвышения Бориса Годунова, в 1587 г. сделали попытку открытого выступления под предлогом бесплодия царицы. Они рассчитывали на то, что в случае развода Федора с царицей, сестрой Бориса Годунова, его легко будет отстранить от власти. Бояре вместе с московскими гостями и торговыми людьми составили челобитье, «чтобы ради чадородья» царь Федор вступил в новый брак, а старую царицу отпустил бы в «иноческий чин», в монастырь. Подача челобитной сопровождалась выступлением «торговых мужиков», то есть людей московского посада. Розыск, произведенный по поводу этого волнения, установил, что главными участниками его были князья Шуйские, замешанным оказался и митрополит. В результате 5-6 посадских людей казнили, а Шуйских разослали по разным городам.

После этих событий Борис Годунов не имел больше соперников

среди лиц, окружавших царя. 15 мая 1591 г. в Угличе погиб возможный наследник московского престола - сын Ивана Грозного от седьмой жены, Марии Нагой, царевич Дмитрий. Нет необходимости останавливаться на разборе вопроса, насколько Борис Годунов был причастен к смерти Дмитрия. Есть обстоятельства в этом деле, которые при настоящем состоянии источников не могут быть полностью раскрыты. Не исключена возможность, что смерть царевича Дмитрия была результатом несчастного случая. Но каковы бы ни были действительные причины гибели Дмитрия, она облегчала Борису Годунову путь к престолу. В последние годы царствования Федора Борис Годунов был фактическим правителем государства. Англичане называли его «лордом протектором». Борис получил право отвечать на грамоты иностранных государей. Его собственный дом стал маленькой копией царского дворца. В нем так же торжественно принимали иностранных послов и так же, как во дворце, сидели дворяне в парадных нарядах. Послы называли Бориса «пресветлейшим вельможей».

В 1598 г. болезненный и слабоумный и царь Федор умер. В это время единственно возможным соперником Бориса Годунова был старший сын Никиты Романова - Федор Никитич. Как отдаленный родственник царя, он имел большие юридические права на царское наследство, чем вышедший из старинного, но не княжеского рода Борис Годунов. (Предположение, что родоначальником Годуновых был татарский мурза Чет, не подтверждается последними исследованиями). Вопрос о царском избрании был решен на Земском соборе в 1598 г., где абсолютное большинство принадлежало дворянству. Если Федора Никитича поддерживала часть дворянской знати, то на стороне Годунова находилось дворянство и стрелецкое войско. Эти обстоятельства определили победу Бориса Годунова, который занял царский престол (1598-1605 гг.).

В исторической литературе образ Бориса Годунова сложился давно и держался очень долго. В его основе лежали оценки непосредственных противников Бориса Годунова начала XVII в. - Василия Шуйского и Романовых. При воцарении Василия Шуйского была окончательно принята официальная версия смерти царевича Дмитрия, согласно которой Борис Годунов был организатором убийства. Между тем современники Бориса Годунова, среди которых были люди и сочувствовавшие ему и враждебные, объясняли его успехи в достижении царской власти отнюдь не смертью царевича Дмитрия. По их словам, Борис Годунов обладал большими природными способностями. Дьяк Иван Тимофеев, враждебно настроенный к Борису Годунову, называвший его «рабо-царем», не мог не удивляться, чтобы не выразить удивление перед способностями этого «рабо-царя». Он говорит, что разум других царей, предшествовавших Борису Годунову, был только тенью его разума.

С отзывами русских современников согласуется впечатление иностранцев. Они также сообщают о необычайных успехах Бориса Годунова. С большим административным талантом, с огромной, поражающей современников, памятью Борис Годунов соединял цепкий, изворотливый ум. Эти же современники, высоко ставившие

государственные способности Бориса Годунова, отмечали и другие его качества: хитрость, вероломство и жестокость. Большим преимуществом Бориса Годунова перед его высокородными соперниками было то, что он не только твердо знал чего добивался, но и хорошо понимал те средства и пути, которые вели к желаемой цели. В борьбе с крупным боярством Борис Годунов соединял свои личные интересы с интересами служилого дворянства, что сообщало всем его мерам большую устойчивость. В его действиях не было необдуманной жестокости Ивана Грозного, так как расчет всегда брал верх над непосредственным чувством. После террора опричнины правление Бориса Годунова казалось даже мягким. Однако, когда современники начинали присматриваться к его результатам, то перед ними оживали знакомые картины из царствования Ивана Грозного. В борьбе со старой знатью Борис Годунов достиг больших успехов, но без того шума, каким сопровождались массовые казни Ивана Грозного. Воспитанный на политических традициях опричнины, Борис Годунов по существу продолжал политику Ивана Грозного по укреплению при поддержке дворянства самодержавной власти и усилению централизованного государственного порядка, как во время своего правления при Федоре Ивановиче, так и во время самостоятельного царствования.

В 1592-1593 гг. была закончена новая перепись, причем старожильцами, лишенными права перехода, стали считать всех крестьян, которые были записаны в книгах на тягловых участках. Закрепление крестьян вполне соответствовало желаниям дворянства, страдавшего от побегов крестьян и от перевоза их богатыми землевладельцами. В 1597 г. вышел указ о праве владельцев разыскивать бежавших крестьян в течение пяти лет. Эти годы стали называть «урочными». Пятилетний срок для сыска беглых был принят потому, что основными документами для определения принадлежности крестьян стали писцовые книги, в основном законченные в 1592 г. то есть за пять лет до выхода указа о сыске беглых.

Указами 1586 и 1597 гг. была усилена зависимость кабальных людей от их господ. Так запрещалось от кабальных людей принимать уплату займа.

Централизованная система государства нуждалась в такой же централизованной организации церкви. Цепь мероприятий, усиливавших положение русской церкви, завершилась учреждением «всероссийского патриаршества», как высшей церковной власти. Для этого в Москве воспользовались приездом константинопольского патриарха, у которого в 1589 г. вынудили согласие на поставление в русские патриархи московского митрополита Иова, сторонника Бориса Годунова. Учреждение патриаршества в Москве было подтверждено особой грамотой «восточных» (греческих) патриархов, которые считались главою всей православной церкви.

С внутренними мероприятиями Бориса Годунова по усилению централизованного управления были связаны меры по укреплению внешнего положения Русского государства. Московское правительство энергично принялось за перестройку и расширение пограничных укрепленных линий. Особенно много городов было построено в области недавно приобретенных

территорий в Поволжье (Самара, Царицын, Саратов), на южной степной границе (Белгород, Валуйки, Елец, Воронеж и другие) и на западе, где Смоленск был обнесен новыми каменными стенами.

Борис Годунов продолжал борьбу со Швецией за выходы в Балтийское море. В результате войны 1591-1593 гг., законченной Тязвинским миром 1595 г., Россия возвратила потерянное в Ливонскую войну побережье Финского залива с городами Ям, Ивангородом, Копорье, Корела (Кексгольм).

Начало крестьянских восстаний. Политика Бориса Годунова, направленная к укреплению поместного хозяйства дворянства, неизбежно приводила к усилению крепостной зависимости крестьян и кабальных людей. Поэтому те же причины, которые усиливали классовое движение во второй половине XVI в. в связи с ростом феодального закрепощения, не только не ослабили, но оказали еще большее влияние на подъем классовой борьбы. Далеко не все случаи крестьянских волнений нам известны. Несколько лет тому назад при разборе архива Волоколамского монастыря обнаружены сведения о волнениях крестьян этого монастыря в 1594-1595 гг. Крестьяне перестали выполнять работы на монастырь и не хотели слушать монастырских приказчиков - ключников.

Классовая борьба обострилась в результате голода 1601- 1603 гг. Лето 1601 г. было исключительно дождливым. Всходы, залитые «безмерными водам», окончательно погибли в результате ранних заморозков. Неурожай принял совершенно катастрофические размеры. Крестьяне не имели даже семян на посевы. Поэтому они целыми деревнями бросали старые земли и уходили на поиски хлеба. Хлебные цены резко возросли, чем немедленно воспользовались богатые люди, купцы и крупные землевладельцы. Многие феодалы, в том числе патриарх, копили огромные запасы хлеба, ожидая дальнейшего повышения цен. Голодные бродили по дорогам и появлялись в большом количестве в самой Москве. По рассказам современников, на улицах Москвы ежедневно можно было видеть сцены голодной смерти и людоедства. Страшное народное бедствие готово было разразиться восстанием голодного населения. Этой угрозой объясняются мероприятия Бориса Годунова, направленные к некоторому ослаблению недовольства. Борис Годунов приказал выдавать хлеб из казенных житниц и производил раздачу денег. Количество розданного хлеба и денег не могло облегчить положение бедного населения, тем более, что значительная часть этих средств попадала в руки приказных людей. В 1601 - 1603 гг., по указам царя, было частично и временно восстановлено право перевоза крестьян в Юрьев день. Однако его нельзя рассматривать, как это делал М.Н. Покровский, в качестве закона, удовлетворявшего интересы крестьян. Правом перевоза одного - двух крестьян «пользовались средние и мелкие землевладельцы за исключением Московского уезда. Эта мера удовлетворяла требование дворян, но не крестьян. Трехлетний голод в связи с обострением классовой борьбы разорил многих средних и мелких помещиков, что не могло не отразиться на общем положении и настроении служилых землевладельцев.

Рост недовольства среди крестьянского населения и резкое обострение классовой борьбы в городах и деревнях вызвали первые большие крестьянские движения. В 1603-1604 гг. крестьяне, холопы и казаки под предводительством Хлопки Косолапа подошли почти к самой столице. По сведениям летописи, отряд восставших несколько раз разбивал царских служилых людей. Тогда царь послал «многую рать» под командой окольного Ивана Басманова. Сражение, происходившее с большой жестокостью около Москвы, кончилось победой царских войск. Иван Басманов был убит в сражении, а раненый Хлопка Косолап был захвачен царскими войсками.

Движение Хлопки Косолапа является первым крупным событием в развитии крестьянской войны. Однако раньше чем крестьянская война развернулась, внутреннее положение Русского государства осложнилось вмешательством Польши.

Лжедмитрий I - ставленник польских интервентов

Польша была недовольна результатами Ливонской войны. По этому Стефан Баторий, почти непосредственно после заключения перемирия, начал разрабатывать грандиозный проект завоевания России. Смерть Ивана Грозного и воцарение слабоумного Федора казалось, создавали благоприятные условия для возобновления борьбы. Стефан Баторий предполагал, что для осуществления большого завоевательного плана на востоке Европы ему потребуется всего три года. Лозунгом нового похода должно было стать: «Через Москву на Турцию». Стефан Баторий предполагал сначала овладеть Москвой, затем захватить Кавказ и Персию и, наконец, войдя в Малую Азию, нанести смертельный удар Турецкой империи, угрожавшей польским владениям в Европе. Главным препятствием для осуществления этого грандиозного проекта было состояние шляхетства, сильно потрепанного в Ливонской войне, и отсутствие денежных средств. Римский папа обещал субсидировать московский поход своими средствами. Среди военных приготовлений Стефан Баторий умер в конце 1586 г. Началось обычное для Польши время бескоролья, сопровождавшееся жестокой борьбой разных групп шляхетства за того или другого кандидата. Поэтому план московского похода откладывался на неопределенный срок.

В борьбе шляхетства победила группа, поддерживавшая кандидатуру наследника шведского престола королевича Сигизмунда, который стал королем. Польши под именем Сигизмунда III. Шляхта предполагала, что возведение на польский престол наследника шведской короны обеспечит совместные действия Швеции с Польшей и приведет к уступке Польше всего Балтийского побережья с Эстляндией. Шляхта, кроме того, надеялась в союзе со Швецией добиться осуществления завоевательных планов по отношению к русским землям. Коронный канцлер и гетман Ян Замойский выражал мнение, что «Сигизмунд если не всем Московским государством овладеет, то, по меньшей мере, возьмет Псков и Смоленск, а военными

кораблями шведскими загородит морскую дорогу в Белое море, отчего Московскому государству великий убыток будет». В действительности избрание Сигизмунда только осложнило внешне-политическое положение Польши. После смерти отца Сигизмунд был коронован в Швеции. Возвращаясь в Польшу, он оставил в Швеции наместником своего дядю, Карла Ваза. Католическая политика Сигизмунда вызвала недовольство среди шведского протестантского дворянства. Поэтому, когда через несколько лет Сигизмунд вновь отправился в Швецию, ему пришлось вступить в вооруженную борьбу с дядей, которую он проиграл. Шведским королем стал Карл IX Ваза.

Польское шляхетство не хотело отказываться от Лифляндии и Эстляндии. Борьба за Прибалтику между Польшей и Швецией, осложнившаяся династическим вопросом, продолжалась с перерывами до середины XVII в. Внешнее политическое положение Польши заставило ее отказаться от осуществления больших завоевательных планов Стефана Батория.

После воцарения Бориса Годунова Сигизмунд III отправил в Москву посольство во главе с литовским канцлером Львом Сапегой с предложением заключить «вечный мир» и тесный союз. Однако в условиях предлагаемого союза явно преобладали польские интересы. Польша требовала передачи ей Смоленской и Черниговской земель, а также уничтожения всех ограничений для приобретения земельных владений подданными обоих государств на территории каждого из них. Это условие должно было привести к внедрению внутри Русского государства польского землевладения. Переговоры в Москве кончались заключением не союза, а 20-летнего перемирия, подтверждавшего прежние условия.

Ослабленная Польша, не решавшаяся на открытую войну с Русским государством, попыталась прибегнуть к другим мерам для захвата русских земель. К числу этих мер относится выдвижение авантюриста Лжедмитрия I.

Первые известия о появлении в Польше Лжедмитрия, т. е. самозванца, выдававшего себя за погибшего в Угличе в 1591 г. царевича Дмитрия Ивановича, появились в Москве еще в 1600 г. раньше, чем появился тот человек, с которым впоследствии соединилось это имя. Более достоверные сведения о начале авантюры Лжедмитрия мы имеем с 1602 г. Будущий претендент на московский престол в это время бродил по замкам крупных польско-украинских магнатов. Одно время он жил при дворе киевского воеводы князя Константина Острожского, затем перебрался к панам Гойским, где учил детей грамоте и одновременно изучал «рыцарское искусство», затем превратился в слугу князя Адама Вишневецкого. Князя Вишневецкие были одними из самых крупных магнатов в Украине, захваченной Польшей. Их огромные владения не уступали по размеру некоторым европейским государствам. На левом берегу Днепра князьям Вишневецким принадлежало все Посулье (бассейн р. Суды, притока Днепра), простиравшееся до московской границы.

Осенью 1603 г. князь Вишневецкий уведомил польского короля

Сигизмунда III о «чудесном» спасении московского царевича. Польские современники, а затем и писатели, разукрасили это событие различными фантастическими подробностями. Для нас важно установить, что авантюра Лжедмитрия зародилась в кругу польского магнатства, больше всего заинтересованного в распространении своих владений за московскую границу.

Вопрос о том, кто был в действительности Лжедмитрий не может быть при настоящем состоянии источников полностью разрешен. Большинство исследователей присоединяется к официальной версии, появившейся вскоре после появления Лжедмитрия в русских пределах, согласно которой им был беглец из Русского государства, мелкий галицкий сын боярский, Григорий Отрепьев. Одно время Григорий Отрепьев служил у крупных бояр, бывал у Черкасских и Романовых, затем бродил по монастырям и, наконец, приютился в Чудовом монастыре в Москве. Отсюда с другими монахами он ушел в Литву. В литературном памятнике, носящем название «Извет Варлаама», рассказывается, как Григорий Отрепьев со своими спутниками бродил по замкам крупных украинско-польских магнатов. Эти сведения подтверждаются современными польскими известиями. В одном из монастырей на Волыни хранился экземпляр книги, данной, как свидетельствует на ней надпись, князем Константином Острожским: «Григорию с братией - с Варлаамом да с Мисаилом». Таким образом, предположение, что Лжедмитрий был в действительности Григорий Отрепьев, находит ряд подтверждений в исторических свидетельствах.

Король Сигизмунд III, получивший известие о появлении «царевича», очень заинтересовался этим событием и велел доставить его к себе в Краков. По дороге в королевскую резиденцию один из Вишневецких задержался с Лжедмитрием в Самборе, в замке воеводы Сандомирского и старосты львовского Юрия Мнишек. История Юрия Мнишек представляет некоторый интерес для характеристики крупного польского панства, делавшего карьеру при королевском дворе. Юрий Мнишек выдвинулся при Сигизмунде II Августе. Он оказывал дряхлому королю ряд личных услуг, не считал для себя позорным поставлять ему гадалщиц и любовниц. После смерти короля Юрий Мнишек с несколькими другими в одну ночь так ограбил королевскую казну, что смертные останки короля трудно было облечь в подобающую форму. При Сигизмунде Юрий Мнишек заведовал обширными королевскими владениями, которые также нещадно обирал. Король, выведенный из терпения, назначил ревизию, грозившую Юрию Мнишек крупной неприятностью. В это время в его замке оказался московский лжецаревич, что открывало для Юрия Мнишек возможность воспользоваться авантюрой для поправления собственных средств.; В марте 1604г. Лжедмитрий был принят королем. Хотя Сигизмунд III весьма сочувственно отнесся к предполагаемому походу на Москву, ко должен был получить на это согласие сейма. Однако выяснилось, что значительная часть сенаторов опасалась исхода предприятия. Поэтому король обещал Лжедмитрию оказывать тайную поддержку, помогал ему деньгами и

разрешил частным образом набирать войско из шляхтичей. За это Лжедмитрий обещал отдать Польско-Литовскому государству Смоленскую и Северскую области, помочь Сигизмунду III овладеть шведским престолом, способствовать распространению католичества в русских землях и подготовить более тесное политическое соединение Русского государства с Польшей. В Кракове Лжедмитрий вступил в сношения с католической церковью, перешел в католицизм и отдался под покровительство папы.

С лета 1604 г. в Самборе происходило открытое приготовление к походу. Дочь Юрия Мнишек была оговорена с Лжедмитрием, который обещал выдать будущему тестю 100 тыс. злотых, а Марине - в полное управление два русских «государства»: Псков и Новгород. В подтверждение этого Лжедмитрий выдал Юрию Мнишек особую запись. Авантюра Лжедмитрия вызвала среди польских магнатов и шляхты разное отношение. За немедленное движение в пределы русских земель стояли крупные землевладельцы, особенно те из них, украинские владения которых близко подходили к московским границам. Лжедмитрия поддерживал и литовский канцлер Лев Сапега, выражавший мнение той части литовской шляхты, которая стремилась к захвату пограничных русских земель, особенно в Смоленской области. В войско Лжедмитрия охотно поступала мелкая шляхта и рыцарство. Большинство этих мелких шляхтичей, служившее у богатых магнатов на разных должностях - от военных людей до парадных лакеев, готово было наняться на любое доходное предприятие. Однако средние землевладельцы действовали более осторожно. Так, против похода на Москву высказался коронный канцлер и гетман Ян Замойский, пользовавшийся большим авторитетом среди польской шляхты. Извещенный о военном приготовлении в Самборе, осторожный Замойский советовал Мнишку переждать до решения общего сейма: «Кость падает иногда недурно, но бросать ее, когда дело идет о важнейшем предприятии, не советуют, опасно!». Замойский знал, что в Москве осведомлены о польских приготовлениях и готовятся к отпору. В речи на сейме Замойский напоминал результаты войны Стефана Батория, который нанес Москве сильный удар. В свое время Замойский был сторонником завоевательных планов этого короля, но план вовремя не был осуществлен. Замойский находил, что сложившиеся политические условия не благоприятствовали для крупного предприятия. О Лжедмитрии он отзывался с оттенком презрительной насмешки: «Он (т. е. Лжедмитрий) говорит, что вместо него задушили кого-то другого; помилуй бог, - это комедия Плавта или Теренция что ли? Вероятное ли дело: велеть кого-либо убить, а потом не посмотреть тот ли убит, кого приказано убить, а не кто-либо другой». Замойский совершенно ясно указывал на основные причины, требовавшие воздержаться от поддержки Лжедмитрия: отсутствие денежных средств, упадок военной дисциплины, разнузданность шляхты и недооценка военных сил Русского государства. Выступая против поддержки Лжедмитрия, Замойский не был, как и остальная шляхта, противником агрессивной политики Польши по отношению к русским землям; он был сторонником более тщательно подготовленного похода, который, по его мнению, надо

было начать сразу движением крупных военных сил. К такому походу Речь Посполитая еще не была готова.

В середине октября 1604 г. польское войско с Лжедмитрием форсировало Днепр выше Киева, являвшийся границей Русского государства. В это время собственно польские силы составляли около 3 тыс. человек. Ядром их был кавалерийский отряд шляхты, на вербованный Мнишек. Около Днепра к Лжедмитрию присоединился отряд донских казаков численностью около 2 тыс. человек. Особые обстоятельства прокладывали этому небольшому отряду легкий путь к Москве: развитие народного движения против Московского правительства Бориса Годунова. В Польше повидимому, хорошо были осведомлены о том, что делалось за московской границей. Поэтому при обсуждении плана похода было решено двигаться не по самой короткой дороге через Смолене и Вязьму, а длинным кружным путем через Киев, Брянск и верховья реки Оки. Этот путь имел то преимущество, что проходил по юго-западным окраинам Русского государства, население которых уже поднялось против Бориса Годунова. По сведениям Авраамия Палицина, в этих районах скопилось до 20 тыс. человек из числа беглых холопов, крестьян, казаков и мелких служилых людей, готовых подняться против крепостнического угнетения. Грамоты Лжедмитрия, вводившие народ в заблуждение о якобы чудесном спасении царевича, тайно распространялись среди населения. Еще до перехода русской границы были завязаны сношения с донскими казаками. Первые небольшие крепости - Моравск и Чернигов сдались без боя. Серьезное сопротивление Лжедмитрий встретил под Новгород-Северским, в котором находился отряд московских стрельцов. В ожидании польского вторжения главные силы царской армии были сосредоточены у Брянска; местоположение его давало возможность действовать в двух направлениях: на запад и на юго-запад, так как план противника не был известен в Москве.

В то время как главные силы Лжедмитрия завязли под Новгород-Северским, небольшие отряды, выдвинувшиеся вперед и в стороны, а также действовавшие по Крымской дороге казаки без боя овладели огромной территорией по Десне, Сейму, Северному Донцу, вплоть до верховьев Оки. В течение двух недель Лжедмитрия «признали» Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы и другие города. В Комарицкой волости (около города Севска) вспыхнуло большое крестьянское восстание против московского правительства. Этот успех объяснялся тем, что одновременно с походом Лжедмитрия народное движение разливалось широкой волной по всей южной окраине государства, захватывая, кроме крестьян, мелких служилых людей и казаков.

В декабре 1604 г. главные силы царских войск подошли на выручку Новгород-Северска и в окрестностях его дали сражение Лжедмитрию. Несмотря на численное превосходство царских войск, ни одна из сторон не могла считать себя победителем. Однако Лжедмитрию все же пришлось снять осаду. После этого он перешел к Севску, приблизившись к районам крестьянского восстания и к путям, которые вели с Дона.

В январе 1605 г. недалеко от Севска, при деревне Добрыничих,

произошло новое сражение, на этот раз кончившееся полным поражением Лжедмитрия, который с небольшим отрядом бежал в Путивль. Царские ратные люди и касимовские татары по распоряжению царя Бориса совершенно разорили Комарицкую волость. По рассказу современника, голландца Исаака Массы, крестьянское население было почти поголовно истреблено с невероятной жестокостью, так что в густо населенной волости «не осталось ни кола, ни двора», мужчин вешали на деревьях за ноги, женщин насиловали и сажали на колья, даже детей бросали в огонь и воду. Ни военные успехи, ни расправа над населением не улучшили положение правительства Бориса Годунова; площадь, охваченная народным восстанием, продолжала увеличиваться. Главные силы царской армии были заняты осадой Кром, за стенами которого засели стрельцы и каики, перешедшие на сторону Лжедмитрия. Осада тянулась вяло, дворяне, испуганные развитием крестьянского движения, начали разъезжаться по поместьям. Между тем 13 апреля 1605 г. в Москве при загадочных обстоятельствах умер царь Борис, наследником его был объявлен 16-летний сын Федор Борисович. Смерть царя ускорила полное разложение армии. В начале мая остатки войск, стоявших под Кремами, перешли на сторону Лжедмитрия, путь к Москве был открыт. 1 июня в Москву прибыли посланцы Лжедмитрия - дворяне Плещеев и Гаврила Пушкин. Сын Бориса Годунова Федор вместе с матерью были убиты. Через несколько дней Лжедмитрий во главе польского отряда вошел в столицу.

Легкая победа Лжедмитрия объясняется, во-первых, развитием классовой борьбы, которую Лжедмитрий умело использовал в целях, ничего общего не имевших с интересами эксплуатируемых масс населения, и, во-вторых, активной поддержкой польской военной силы. Однако положение Лжедмитрия резко изменилось после того, как Годунова не стало больше на троне.

Посаженный на московский престол польским рыцарством, Лжедмитрий сразу должен был почувствовать отсутствие прочной социальной опоры. Лжедмитрий прежде всего принял меры, чтобы отклонить подозрение в самозванстве. Для этого были возвращены из ссылки родственники убитого царевича Дмитрия - Нагие, в том числе его мать старица (монахиня) Марфа Нагая, долгие годы протомившаяся в монастырском уединении. Недалеко от столицы Лжедмитрий встретил Марфу, которая публично признала его за сына. Поведение Марфы Нагой объясняется ее положением; перед ней открывались две возможности: занять место матери лже-царя, или, в случае отказа, подвергнуться с его стороны мести. Старица Марфа выбрала первый путь. Лжедмитрий, стараясь создать себе опору среди, родовитого боярства, возвратил бодр, пострадавших при Годунове, в том числе Романовых. Однако опереться на боярство, как на крупную социальную силу, Лжедмитрий не мог. Часть боярства, пострадавшая при Борисе Годунове, сочувствовала успехам Лжедмитрия только до тех пор, пока боролась с Борисом Годуновыми. С гибелью последнего Лжедмитрий сыграл свою роль для боярства и был ему больше не нужен. Наибольшие усилия Лжедмитрий делал для того, чтобы

привлечь на свою сторону средних и мелких землевладельцев - дворянство. В короткое время были повышены денежные оклады; дворянам усиленно раздавали земли в поместья, в интересах средних дворян был разрешен вопрос о крестьянах, бежавших в голодные годы. По указу 1 февраля 1606 г. крестьяне, бежавшие от помещиков до голодных лет, возвращались старым владельцам. Возвращению подлежали также и крестьяне, бежавшие в голодные годы, но имевшие возможность прокормиться на покинутых местах. Не возвращались только крестьяне, которые в голодные годы не могли прокормиться у своих помещиков. Таким образом, этот закон не имел ничего общего с интересами крестьян.

Не создав социальной опоры внутри страны, Лжедмитрий, естественно, должен был опереться на внешнюю силу - на Польшу и на отряды наемных наемщиков. Не доверяя русским, он организовал сильную дворцовую стражу из иностранцев. Между тем Польша стала предъявлять требования о выполнении Лжедмитрием данных им обязательств. Лжедмитрий не в состоянии был полностью их выполнить; он не имел возможности отдать Польше Смоленск и Северскую землю, а Мнишкам - Новгород и Псков. Поэтому Лжедмитрий ограничивался раздачей денег да драгоценностей царской казны. Польские шляхтичи, наехавшие с ним в Москву, мечтавшие хорошо пожить в России, требовали все новых и новых средств. Очень крупные средства получил Мнишек. Письма Юрия Мнишек к Лжедмитрию представляют собой сплошные вымогательства. Однако ни Сигизмунд, ни польские паны, ни шляхтичи не были удовлетворены этими частичными раздачами. Посол короля в Москве даже припугнул Лжедмитрия возможностью появления нового самозванца. Он рассказал ему слух, будто бы распространившийся в украинских городах, что Борис Годунов жив и находится в Англии, откуда его следует ожидать. Положение Лжедмитрия стало особенно тревожным после приезда весной 1606 г. Марины Мнишек. Невеста прибыла с отцами родственниками в сопровождении шляхтичей и слуг, составлявших всего около 2 тыс. человек. При въезде в столицу ей была устроена торжественная встреча. Москвичи, по рассказу современников, с изумлением наблюдали, как выгружалось привезенное поляками оружие. Они спрашивали иностранцев: разве существует у них обычай приезжать на свадьбу в полном вооружении? Свадьба была отпразднована с исключительной роскошью. Во время празднеств перепившиеся шляхтичи насильничали, грабили и оскорбляли жителей. Разнузданное поведение шляхты в русской столице только ускорило взрыв народного восстания.

Прежде чем стихийно нараставшее народное возбуждение смогло превратиться в восстание, им поспешил воспользоваться кружок бояр во главе с князем Василием Ивановичем Шуйским. 17 мая по набатному звону толпа бросилась в Кремль. Лжедмитрий был убит, а народ начал громить польских панов и шляхтичей, разместившихся по разным дворам столицы. Бояре были очень обеспокоены размером, который приняло народное восстание. Поэтому они поспешили защитить уцелевшие остатки поляков. 19 мая на Красной площади бояре и их сторонники перед собравшейся

толпой провозгласили царем князя В. И. Шуйского. Боясь повторения времен Ивана Грозного или Бориса Годунова, бояре взяли с Василия Шуйского крестоцеловальную запись, т. е. присягу, по которой царь обязывался никого не лишать жизни без приговора Боярской думы, не подвергать гонению родственников осужденных, проверять доносы на тщательных следствиях. Эти обещания были распространены на купцов и посадское население.

Василий Шуйский тотчас после воцарения предпринял ряд мероприятий, имевших целью раскрыть обман Лжедмитрия и не допустить возможности повторения самозванства. Всего через полмесяца после воцарения он устроил торжественное перенесение останков Дмитрия из Углича в Москву. Царевич был объявлен «святым чудотворцем». Церковь стала распространять известия о чудесах, будто бы совершавшихся при его гробе: немые заговаривали, слепые начинали видеть, калеки выздоравливали и пр. В грамотах, разосланных по городам, Василий Шуйский обосновывал свои права на престол, во-первых, своим происхождением от Рюриковичей и, во-вторых, якобы состоявшимся избранием его на царство всеми людьми Московского государства. (Имелся в виду Земский собор, которого в действительности не было).

Народное восстание под предводительством Болотникова

На воцарение боярского царя страна ответила новым подъемом народного движения. В самой Москве в конце мая и в середине июня произошли волнения среди мелкого посадского населения. Кремль был поспешно приведен в оборонительное состояние, на стенах были поставлены пушки. Очаг нового восстания лежал в юго-западной окраине, носившей название Северной Украины (Чернигово-Северский край). Начавшись в городах Северского края, восстание распространилось до Рязани и далее на восток до области мордвы. На юге восстание вспыхнуло в Астрахани и на Тереке, на северо-востоке стали подниматься марийцы и удмурты, жившие в области Вятки, Перми и Камы; не осталась спокойной и северо-западная часть государства, где волнение началось в Тверских, Псковских и Новгородских местах. В течение короткого времени центральная часть государства была охвачена широкой волной восстания. По существу это было не одно общее восстание, а большое число местных выступлений, то сливавшихся вместе, то развивавшихся независимо друг от друга. В то время как в одних районах восстание только начиналось, в других - затихало. Поэтому восставшие редко могли оказать действительную помощь друг другу.

Народное восстание 1606-1607 гг. развивалось в условиях, значительно отличавшихся от обстановки выступления Лжедмитрия I. Переход царской власти в руки представителя княжеско-боярской знати усилил раскол внутри господствующего класса. Воцарением Василия Шуйского было недовольно не только провинциальное дворянство, особенно

южных уездов, но и часть боярства. Воевода Путивля кн. Григорий Шаховской продолжал «действовать именем Дмитрия Ивановича». Не признавал, Василия Шуйского и седевший в Чернигове князь Андрей Телятевский.

Общее ослабление государственной власти в результате событий 1604-1606 гг. и неустойчивое положение царя Василия Шуйского облегчали быстрое развитие народного восстания. В 1606 г., в противоположность обстановки 1604 г., Речь Посполитая, занятая внутренними делами, не могла вмешаться в русские дела. В Польше вспыхнул «рокош» (восстание) части шляхты, недовольной внутренней политикой Сигизмунда III. «Рокошане» провозгласили «бескорольеве», но были разбиты в 1607 г. гетманом Жолкевским.

Поднявшееся летом 1606 г. крестьянское восстание не укладывалось в организованные формы. В этом заключалось большое преимущество московского правительства Василия Шуйского. Силы последнего были сосредоточены, тогда как силы восстания были разбросаны.

Среди отдельных разрозненных выступлений самым крупным было крестьянско-холопское восстание, поднявшееся под предводительством Ивана Исаевича Болотникова. Незначительные биографические сведения о Болотникове мы знаем по рассказам современников иностранцев. По их сообщениям. Болотников был боярским холопом. В молодости он ушел на Дон, но был захвачен крымскими татарами, которые продали его туркам. Болотникову удалось бежать из турецкой неволи. Во время скитаний он побывал в Италии, Венгрии и Польше. Иван Болотников появился на московском рубеже в тот момент, когда в Северной Украине летом 1606 г. быстро нарастало народное движение. Иван Болотников вскоре выдвинулся как его предводитель. По словам голландца Исаака Массы, Иван Болотников был «детина рослый и дюжий... удалец, отважен и храбр на войне».

Главное участие в восстании приняли крестьяне и холопы, к ним присоединились казаки, часть посадских людей и стрельцы пограничных городов. В народе распространялся слух, что вскоре вновь появится царевич Дмитрий Иванович, что в Москве вместо Лжедмитрия убили какого-то «немчина». Источники этих слухов шли, повидимому, из Польши. Хотя Болотников и действовал от имени «царевича Димитрия», но самозванство на этот раз не играло крупной роли.

Восставшие под предводительством Болотникова из Путивля двинулись к Москве через Комарицкую волость, разоренную Борисом Годуновым. Около Оки отряды Болотникова пополнились служилыми землевладельцами: рязанцы подошли под предводительством Григория Сумбулова и Прокопия Ляпунова, из Тулы и Венева пришел с мелкими помещиками Истома Пашков. Увеличение ополчения Болотникова за счет дворянских дружин сыграло в дальнейшем отрицательную роль. Дворяне присоединились к Болотникову из желанием воспользоваться крестьянским движением как средством в борьбе с правительством боярского царя.

В середине октября 1606 г. Болотников подошел к Москве и остановился в селе Коломенском. Восставшие не могли овладеть столицей,

защищенной рядом каменных укреплений с выдвинутыми вперед монастырями, представлявшими собой целые крепости. Силы, находившиеся в распоряжении Болотникова, были так же недостаточны для полного окружения столицы. Это давало возможность правительству усиливаться за счет прибывавших из разных мест дворянских отрядов. В то же время среди восставших под Москвой началось неизбежное расслоение. Болотников распространял среди населения «прелестные письма» (прокламации). По словам патриарха Гермогена, передавшего в одном из своих посланий содержание «прелестных писем», восставшие предлагали «боярским холопом побивати своих бояр, и жены их и вотчины и поместья им сулят, и шпыням и безымянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабите; и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство, и воеводство, и окольниковство, и дьячество». Излагая содержание прокламаций, патриарх стремился устрашить свою «паству» и не был заинтересован в точной передаче призывов Болотникова, обращенных к холопам и к плебейской части посадского населения. Социальный смысл этих призывов заключался в истреблении представителей власти, землевладельцев и высшего слоя купечества.

Под Москвой дворяне, находившиеся в армии Болотникова, поняли, что крестьяне и холопы, являвшиеся их классовыми врагами, были для них более опасными, чем боярский царь. Поэтому, сознав классовую противоположность интересов и целей движения, дворянские дружины, приведенные рязанскими и тульскими помещиками, стали переходить на сторону Василия Шуйского. Первыми изменили Болотникову рязанские помещики во главе с Григорием Ляпуновым и Сумбуловым.

2 декабря 1606 г. царские войска, усиленные «прибывшими отрядами смоленских помещиков, перешли в наступление на укрепленный лагерь Болотникова у села Коломенского. Во время боя Истома Пашков перешел на сторону Василия Шуйского и облегчил этим его победу. По словам летописи, казаки и холопы упорно сражались. Только после страшной резни Болотников с уцелевшими остатками отступил к Калуге. Царские воеводы захватили несколько тысяч пленных, о которых очевидец этих событий голландец Исаак Масса говорит, что это все были «прирожденные москвиты». Большие партии пленных, по его рассказам, каждую ночь выводили из темниц и убивали ударами дубины по голове, а затем трупы спускали под лед реки.

Удерживая в своих руках Калугу, Болотников сохранял главную коммуникационную линию, дававшую возможность получать помощь со стороны северских городов. Василий Шуйский двинулся против Калуги с огромной дворянской армией, которая, по сообщению иностранцев, достигала 100 тыс. человек. Осада Калуги продолжалась 4 месяца, до начала мая 1607 г. Осажденные, несмотря на малочисленность, действовали очень храбро и активно. Постоянными вылазками они наносили большой вред царским войскам; не проходило дня, чтобы царские войска не теряли 40-50 человек.

Между тем на помощь Болотникову двигались новые отряды. Отряд,

высланный на помощь Болотникову из Тулы, разбил царские войска на реке Пчельне. Гарнизон Калуги произвел смелую вылазку и заставил царских воевод снять осаду города. Болотников перешел в Тулу, где соединился с казаками, имевшими во главе самозванца, принявшего имя никогда не существовавшего сына даря Федора-Петра (Лжепетр).

После снятия осады с Калуги положение правительства Василия Шуйского стало очень тяжелым. Царь ежедневно посылал сопитм в разные города с известиями о небывших победах его войск. Духовенство звонило в колокола и служило благодарственные молебствия. В это же время была произведена общая мобилизация дворянских войск. Для увеличения денежных средств Василий Шуйский даже распродал часть царского имущества (казны), кроме того, он получил деньги у монастырей и купцов.

С целью привлечь на свою сторону дворянство, царь Василий Шуйский издал 9 марта 1607 г. указ, усиливавший борьбу с беглыми крестьянами. Землевладелец, принявший чужого беглого крестьянина, уплачивал единовременный штраф в царскую казну, а также вознаграждение старому владельцу по числу лет, дожитых беглым крестьянином на его земле. Срок давности для розыска беглых крестьян был увеличен с 5 до 15 лет. Одновременно Василий Шуйский, опасаясь дальнейшего развития движения среди холодов, несколько смягчил положение «добровольных» холопов, т. е. тех, которые жили во дворах богатых людей, работали на них за пищу и помещение, но не давали на себя кабальных записей (указ 7 марта 1607 г.). По старому указу добровольный холоп через 6 месяцев работы превращался в кабального холопа. Василий Шуйский отменил это правило, указав отпускать добровольных холопов на свободу: «Не держи холопа без кабалы ни одного дня, а держал в кабале и кормил, и то у себя сам потерял». Когда восстание Болотникова было подавлено, этот указ был отменен.

В результате проведенной мобилизации царю Василию Шуйскому в конце мая удалось собрать огромную армию, по численности не уступавшую военным силам, собиравшимся во время войн с соседними государствами. Осада Тулы продолжалась с конца мая до поздней осени. Осажденные с прежним упорством защищали город. Осенью на реке Упе была устроена плотина, которая вызвала наводнение в городе. Вода залила погреба с порохом и испортила значительную часть хлебных запасов. Истощенный гарнизон Тулы сдался 10 октября 1607 г. Лжепетр был повешен, Болотников был сослан на север, где его утопили.

Восстание под предводительством Болотникова подняло население Приволжья. Сначала заволновалась мордва, с которой соединились русские крестьяне и боярские холопы. Затем восстание охватило очень обширный район, от Нижнего Новгорода до Свияжска, и от Яранска на севере до верховья рр. Суры и Мокши (правый приток Оки) на юге. Восстание, таким образом, захватило и районы, населенные чувашами и марийцами. Среди предводителей восстания упоминаются двое мордовских «старейшин»: Варкадин и Москова (возможно, что мариец). Как и в других местах, восстанием крестьянского населения спешили воспользоваться дворяне, недовольные воцарением Василия Шуйского. Восставшие осадили Нижний

Новгород, но не могли им овладеть. После поражения Болотникова под Москвой, восстание было подавлено.

Восстание под предводительством Болотникова обладало всеми характерными чертами, присущими стихийным крестьянским движениям феодальной эпохи. Оно было мало организовано, крестьянские отряды были плохо вооружены. Не могло быть общего плана ведения войны. В то же время нельзя не отметить больших способностей Болотникова, которому удалось придать временную прочность разнохарактерным отрядам своего ополчения.

«Мы, большевики, - говорит товарищ Сталин, - всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета»³).

Польско-литовская и шведская интервенции

Неудача авантюры Лжедмитрия I, закончившаяся жестоким погромом польских шляхтичей в Москве, на время приостановила развитие польского наступления. Польша не решилась на объявление войны, как этого опасались в московских боярских кругах, но не отказалась от повторения авантюры самозванца. Когда московские послы в 1606 г. жаловались в Кракове панам на поддержку Польшей самозванцев, то сенаторы откровенно на это отвечали: «если государь ваш отпустит Сандомирского воеводу (Юрия Мнишек) с товарищами и всех польских и литовских людей, которые теперь по Москве (имелись в виду поляки, служившие Лжедмитрию I и задержанные после его смерти), то ни Дмитришки, ни Петрушки не будет; а если государь ваш их не отпустит, то и Дмитрий и Петр настоящие будут и наши за своих с ними заодно станут».

Внутренние осложнения не позволили польскому правительству воспользоваться крестьянской войной, поднявшейся под предводительством Ивана Болотникова. Польша поэтому только ограничилась распространением слухов о спасении Лжедмитрия. Положение изменилось, когда рокошане были разбиты. С этого момента начинается новый этап в развитии польской интервенции в Русское государство.

Вместо погибшего Лжедмитрия I Польша выдвинула нового авантюриста, известного под именем Лжедмитрия II Тушинского. В Польше долго искали человека, который мог бы повторить роль «царевича Дмитрия». Один из современников рассказывает, что уже в первые дни после убийства Лжедмитрия II поляки распускали молву, что умерщвлен был вовсе не он, а какой-то немец, похожий на царя. «Это сказка, -

³ Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 8. Партиздат, 1933.

прибавляет этот очевидец московских событий, - которой поляки думали со временем воспользоваться». Однако поиски нового авантюриста представляли большие трудности, ими занимались и в Польше и даже в Риме. Новый самозванец, наконец, нашелся. В июне 1607 г. он появился в небольшом пограничном московском городе Стародубе. Современники рассказывают, что это был человек «грубых и дурных нравов». Вместе с тем они должны были признать, что он «весьма мало походил на покойного» (т. е. на Лжедмитрия I). Но у нового авантюриста был свой учитель, Николай Меховецкий, приближенный Лжедмитрия I, хорошо знавший его привычки. Он так хорошо обучил нового самозванца его роли, что, рассказывают, будто даже люди, близкие к Лжедмитрию I, ошибались.

В сентябре 1607 г., когда Тула еще оборонялась против войск Василия Шуйского, Лжедмитрий II с польскою подмогою двинулся из Стародуба к верховьям Оки. После падения Тулы, он с большой поспешностью бежал в район Севска (Комарицкую волость), а в начале 1608 г. обосновался в Орле, где поляки занялись устройством военных сил.

В течение зимы 1607-1608 гг. под знаменами Лжедмитрия II собралось значительное польско-литовское войско, в несколько раз превосходившее военные силы, участвовавшие в походе Лжедмитрия I. Родственник литовского канцлера Ян Сапега с разрешения короля открыто собирал войска для нового похода; приведенный им к Лжедмитрию II отряд насчитывал около 7 тыс. пехоты и конницы. Князь Роман Рожинский пришел с отрядом в 4 тыс. человек. Бывший покровитель Лжедмитрия I князь Адам Вишневецкий привел 2 тыс. конных воинов. Польское правительство, боявшееся восставшей польской шляхты, отослало ее в пределы Русского государства. В армии Лжедмитрия II оказался один из предводителей рокошан - Лисовский. За крупными (польскими панами) тянулся всякий сброд мелкой польской и литовской шляхты. Московское правительство впоследствии жаловалось в Польше, что «вора» водят по Московскому государству «королевские люди». Один из современников-иностранцев рассказывает, как однажды за столом Ян Сапега стал хвастаться храбростью поляков, которые будто бы превосходили римлян: «За три года перед сим, - говорил он, - вооруженной рукой мы посадили на русский престол бродягу под именем сына царя Иоанна Грозного. Теперь в другой раз даем русским нового царя и уже завоевали для него полгосударства: он также будет называться Дмитрием. Пусть их лопнут с досады, оружием и силой мы сделаем, что хотим».

Помимо основного польско-литовского военного ядра под знамена Лжедмитрия II стали собираться те, кто продолжал борьбу с боярским правительством. В чернигово-северских городах к нему примкнули мелкие служилые люди, потом подошли свежие отряды донских и запорожских казаков; несколько позже присоединились остатки ополчения Болотникова, в том числе атаман Иван Заруцкий, ставший главным начальником казачьих сил.

Весною 1608 г. Лжедмитрий II с основной частью своего разнородного ополчения начал поход на север. Царские войска были

разбиты в двухдневном бою под Волховом. Двигаясь дальше, Лжедмитрий обошел Москву с западной стороны и вышел на Можайскую дорогу. В 20 числах июня Лжедмитрий с поляками подошел к Москве, но не встретил никакого сочувствия со стороны русского населения столицы: «Мы подошли к столице, - вспоминает один из поляков, служивший в его армии, - которая очень велика и на вид красива. Мы смотрели и ни одной живой души не видели, которая была бы к нам от столицы».

Главная ставка Лжедмитрия II была устроена в нескольких километрах от столицы, на возвышенном, берегу Москва-реки, в селе Тушине. Так, друг против друга, появились две столицы: настоящая столица Русского государства Москва, в которой отсиживался боярский царь Василий Иванович Шуйский, и «воровская» столица, Тушино, где укрепился при поддержке польского войска «царек», или «Тушинский вор», Лжедмитрий II. Вскоре в Тушинском лагере оказалась Марина Мнишек, которая была обвенчана с новым Лжедмитрием.

После того как в Туши не образовался «воровской» лагерь, в его состав стали по-одиночке и целыми группами вливаться служилые московские люди, а также отдельные представители старых боярских и московских служилых родов, недовольные политикой Василия Шуйского. К числу последних принадлежали: князь Григорий Шаховской, получивший в Тушине звание «слуги и боярина», несколько князей Трубецких (в том числе Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, будущий предводитель казачества). За родовитой и богатой знатью потянулись мелкие захудалые князья. Большую роль в Тушинском лагере играл Михаил Глебович Салтыков, происходивший, из старого московского боярского рода. Особую группу составили люди, ближне Романовым во главе с «нареченным патриархом» митрополитом Филаретом (Федором Никитичем Романовым). Довольно значительной была группа выходцев из приказной бюрократии и московского торгово-ремесленного посада. Среди них находились: бывший пристав при царевиче Димитрии, Михайло Молчанов, торговец кожами Федор Андронов и другие.

Господствующая роль в Тушинском лагере принадлежала польским панам и шляхте, которая выделила комиссию из 10 человек в качестве высшего правительственного органа.

Если боярско-дворянская группа росла во время существования Тушинского лагеря, то, наоборот, крестьяне и холопы, пристававшие по дороге к Лжедмитрию II после разгрома Болотникова, отходили от него. Политика Тушинского лагеря и действия польских отрядов показали населению действительное значения тушинского «царька», который являлся игрушкой в руках польской знати и части московских бояр, связавших свою судьбу с польской интервенцией.

У поляков и Лжедмитрия II не было достаточных сил для полного окружения Москвы, поэтому они старались занять дороги в столицу и (перерезать все пути, по которым подходили подкрепления и подвозились продукты. Изоляция Москвы с южной стороны не удалась, так как большой польский отряд был разбит под Коломной. Более удачными оказались

действия в северном направлении. Сапега и Лисовский захватили всю территорию вплоть до верхнего Поволжья: на северо-западе сторонники Тушина, воспользовавшись, восстанием посадского населения против «лучших» людей и царского воеводы, заняли Псков.

Героическое сопротивление польским захватчикам оказал Троице-Сергиевский монастырь (в 70 км. от Москвы по Ярославской дороге), за прочными крепостными стенами которого укрылось, окрестное крестьянское население.

После занятия тушинцами обширной территории, простиравшейся на север до Волги, на сельское и городское население были наложены тяжелые поборы деньгами и натурой. Польские предводители захватывали богатые волжские города с единственной целью поживиться за счет собранных в них товаров. Так, например, Ян Сапега отправил отряд на Вологду после того, как узнал, что туда собрались московские торговые гости с разными товарами. Таким же участи подвергся Ярославль. Не довольствуясь ограблением городов, тушинцы грабили крестьянское население. Поборы сопровождалось самым грубым насилием. Крестьяне забрасывали тушинского «царька» просьбами о защите: «Пощади сирот своих государевых, - писали они, - не вели нас литовским людям воевати и на смерть побивати и женишок и детишек наших в полон имати». Обман, распространенный поляками, рассеивался, и перед русским населением открывалась действительная роль польского авантюриста Лжедмитрия II.

На насилие тушинцев население уже в конце 1608 г. ответило рядом стихийно поднявшихся выступлений. Центрами народного движения стали крупные города: Новгород, Вологда, Великий Устюг, Нижний - Новгород. Население городов соединялось с волостными крестьянами и, наскоро сколачивая ополчения, шло на выручку тех мест, где засели поляки и тушинцы. В конце 1608 г. восстание окатило уже весь Клязьминский район. Часто предводителями повстанческих отрядов становились сами крестьяне, холопы, мелкие служилые люди. Предводителем одного крестьянского отряда был холоп Василия Шуйского - Семейка Свистунов. Плохо вооруженные крестьяне были не в состоянии отстоять земли, захваченные поляками, но они доставляли много забот и хлопот тушинскому правительству и польскому командованию. Крестьяне нападали на отдельные отряды, избивали поляков и уходили от них в глухие лесные дебри. Один из современников (Конрад Буссов), рассказывая о движении русского населения против поляков в начале 1609 г., сообщает: «Со всех сторон являлись толпы необузданных крестьян, которые немцев и поляков истребляли с невероятной злобой. Беда, если остервенится грубая чернь». Этот же иностранец-современник признается, что причиной восстания были исключительные по жестокости грабежи польской шляхты, которая «без милосердия» обижала «бедных русских». Поэтому народ отомстил полякам: «иных повесил, других изрубил, а некоторых побросал в проруби со словами: полно вам, глаголи, жрать наших коров и телят, ступайте в Волгу ловить нашу рыбу».

Одновременно с борьбой против польского насилия продолжалась и

классовая борьба против феодального угнетения и правительства Василия Шуйского, которая в 1608 - 1609 гг. захватывала новые районы. Весною 1609 г. начались волнения среди народов Западной Сибири, татар, манси (вогулов) и хантов (остяков). Сибирские татары в разных местах сговаривались готовить коней и поднять восстание, как только сойдет снег. Вогулы хотели воспользоваться ослаблением московского правительства: «мы де про русские вести и сами ведаем, - говорили они, - что на Москве русские люди меж собою секутца». Остяки пересылали по становищам стрелы с условными знаками, означавшими готовность к восстанию. Местные князьки мечтали восстановить себе царство, «как было при Кучуме царе». Московским воеводам удалось подавить разрозненные выступления, прежде чем они успели объединиться.

Положение правительства Василия Шуйского, находившегося в кольце осады, потерявшего около половины территории, было очень трудным. Летом 1608 г. московскому правительству в результате длительных переговоров с поляками удалось заключить перемирие, хотя и на кратковременный срок: 3 года и 11 месяцев. По перемирию должны были быть восстановлены старые границы, произведен обмен пленными, король должен был отозвать всех поляков, поддерживавшие Лжедмитрия II. В действительности поляки не думали исполнять условия этого договора. Польский гетман Жолкевский в своем дневнике сообщает, что во время переговоров польских послов в Москве бояре сообщили им, что они желали бы видеть на царстве Владислава, так как полагали, что таким образом скоро прекратится кровопролитие и водворится в царстве Московском тишина. Это свидетельство показывает, что уже летом 1608 г. бояре, испуганные ростом народного движения, хотели найти у польского правительства поддержку ценою измены русскому народу. Рассказ польских послов о положении в Русском государстве знавал необычайный интерес в Польше. Король, который официально до этого времени старался уверить, что не находится во враждебных действиях с Московским государством, находил, что настало время для открытого вторжения в Россию. Сенаторы, бывшие при короле, советовали ему «не упускать такого случая для умножения славы и распространения владений Речи Посполитой».

Между тем Василий Шуйский, заключив перемирие с Польшей, сделал попытку воспользоваться для восстановления своего положения шведской помощью. Шведский король Карл IX несколько раз предлагал свои услуги правительству Шуйского, так как боялся упустить время для захватов на русской территории в пользу Швеции. В Швеции особенно были недовольны мирными условиями 1595 г., по которым старые новгородские владения по берегу Финского залива были возвращены России. Осенью 1608 г. племянник царя князь Скопин-Шуйский начал в Новгороде переговоры о шведской помощи. В конце февраля 1609 г. со Швецией было заключено формальное соглашение, предусматривающее посылку Василию Шуйскому 5 тыс. человек наемного войска. Условием шведской подмоги была передача «в вековечную вотчину» шведской короне русской крепости Карелы (Кексгольма) с уездом. В конце марта шведский отряд, состоявший из

разных наемников, численность которого была впоследствии доведена до 15 тыс. человек, под предводительством полководца Якова Делягарди вступил в Новгород.

В исторической литературе было распространено мнение, будто бы шведская помощь, оказанная Василию Шуйскому, была главной причиной вмешательства Сигизмунда III в войну. В действительности причиной военных действий Речи Посполитой были неудачи, связанные с поддержкой обоих самозванцев, и ослабление Русского государства в результате долголетней борьбы к началу 1609 г. Шведская помощь лишь ускорила вторжение польско-литовских войск. Еще в октябре 1608 г., т. е. до заключения договора со Швецией, поляки начали предпринимать набеги на пограничные русские земли. Вторгаясь на русскую территорию, они жгли деревни, убивали жителей, уничтожали хлебные запасы, увозили с собой крестьянское имущество и даже выдирали пчелиные рои. Эти нападения продолжались в течение всего лета 1609 г. С весны в польском порубежном районе производилась подготовка к большому походу; строились мосты и приводились в порядок дороги. В это же время в Польше происходила детальная разработка плана военных операций. Вопрос о войне предварительно был обсужден и одобрен на местных сеймиках, а затем обсуждался в тайном совете короля и на общем сейме. На полном собрании сейма огромное большинство сенаторов высказалось за немедленное начало войны, против были только 3-4 голоса. Главным затруднением для начала военных действий было плохое состояние королевской казны, так как шляхетская армия прежде всего требовала жалованья. Король предполагал, что война продлится лишь четверть года, только на этот срок он имел деньги для оплаты военных расходов. Самый талантливый среди польских воевод, гетман Жолкевский опасался, что в таком короткий срок не удастся кончить войну и тогда солдаты, не получающие жалованья, могут поднять бунт и остановиться на середине пути. Кроме того, Жолкевский указывал королю на плохую дисциплину в войсках. Однако предостережения Жолкевского не были приняты во внимание, так как за войну стояло огромное большинство польских магнатов, раздраженных предыдущими неудачами. Войну горячо поддерживала и литовская шляхта, мечтавшая о приобретениях в Смоленской области.

Перед началом военных действий Сигизмунд выпустил манифест, в котором стремился исторически оправдать свое вторжение в русские земли. Он доказывал, что польские короли имеют «древнее право на владение Русью» на том основании, что польский король Болеслав когда-то помог киевскому князю Изяславу занять киевский стол. В конце сентября польские войска перешли русскую границу и направились к Смоленску. Польская шляхта хвастливо уверяла в скором падении этой русской крепости. В действительности Смоленск героически защищался почти два года и приковал к своим стенам главные силы польской армии.

В мае 1609 г. Скопин-Шуйский с русскими и шведскими отрядами вышел из Новгорода на Тверь, Переяславль-Залесский, Москву. Скопин-Шуйский двигался по районам, охваченным народным движением, что

очень облегчало и ускоряло их окончательное освобождение от польских отрядов. В конце 1609 г. была снята осада Троице-Сергиевского монастыря. Весной 1610 г. Москва была освобождена от блокады. Вскоре после этого князь М.В. Скопин-Шуйский неожиданно умер, как полагали, от отравы. В его смерти обвиняли царя Василия Шуйского, который завидовал и боялся успехов племянника.

После начала Польшей военных действий Лжедмитрий II был ей больше не нужен. Наоборот, королю необходимо было стянуть все польские силы, разбросанные в разных местах русской территории. Кроме того, королю необходимо было выяснить положение, занятое шляхтой в Тушинском лагере, и убедить ее подчиниться его распоряжениям. Сначала среди большинства поляков, находившихся в Тушинском лагере, господствовала боязнь, что король лишит их тех выгод, которые они приобрели службой у Лжедмитрия. Тушинские поляки смотрели на захваченные земли, как на свою добычу, которой ни с кем не хотели делиться. В этом духе была составлена военная конфедерация. Однако королевским агентам удалось поколебать это настроение и внести разлад в польскую часть Тушинского лагеря. Рассказ современника о приезде первых королевских посланцев в Тушино прекрасно характеризует отношение поляков к Лжедмитрию. Послы проехали мимо помещения, из окон которого на них смотрели «царек» с Мариной. Переговоры велись без всякого участия Лжедмитрия II. Когда «царек» спросил пана Рожинского, для какой цели приехали посланцы короля, то получил грубый ответ, сопровождавшийся бранью: «А тебе... что за дело, они ко мне, а не к тебе приехали. Чорт тебя знает, кто ты таков, довольно мы служили тебе и проливали кровь, а награды не видим». Другой польский пан назвал Лжедмитрия II «вором и мошенником».

В начале января 1610 г. Лжедмитрий тайно бежал в Калугу. В польском лагере произошел раскол: небольшая часть шляхты вместе с Сапегой ушла за Лжедмитрием, другая часть отправилась к королю под Смоленск, наконец, третья - ожидала дальнейшего развития событий. Поведение Сапеги, не присоединившегося к королю, объясняется тем, что Сапега считал преждевременным бросать Лжедмитрия, полагая, что тот может еще служить орудием для польской политики. Сапега заключил особый договор с Лжедмитрием, по условиям которого Лжедмитрий обещал, овладев московским престолом, платить польскому королю по 300 тыс. злотых в течение 10 лет, а королевичу Владиславу - ежегодно по 100 тыс. злотых. Русские войска должны были завоевать для Польши Ливонскую землю и посадить Сигизмунда на шведский трон. Лжедмитрий обещал также пересмотреть вопрос о Северной земле, т.е., передать ее Польше.

После ухода казаков и поляков в Тушинском лагере осталась часть служивших Лжедмитрию московских бояр и дворян. Они вступили в переговоры с королем и отправили особое посольство под Смоленск, которое заключило 4 (14) февраля 1610 г. договор с Сигизмундом III. В начале марта Тушино было совершенно покинуто.

Договор с Сигизмундом 4 февраля представлял компромисс между

требованиями боярства и желаниями служилого дворянства, ориентировавшегося на польскую помощь. Владислав должен был стать московским царем, при условии сохранить в неприкосновенности весь московский социально-экономический порядок. Это прежде всего касалось феодальных владений - монастырей, церквей и светских землевладельцев. Бояре и дворяне просили формально запретить крестьянский выход; подтверждалось закрепление холопов за их господами; судьба казаков отдавалась на усмотрение высшего боярства. В договор вошли почти полностью условия «Крестоцеловальной записи» царя Василия Шуйского, которая соответствовала интересам боярства: королевич Владислав обязывался не накладывать взысканий без боярского суда, не отбирать поместий и вотчин и не ссылать родню осужденных. Боярство стремилось ограничить царскую власть. Королевич Владислав обязывался все дела делать при участии и согласии «бояр думных». Новые доходы устанавливались с ведома Боярской думы. Наряду с ясно выраженными интересами боярства было обусловлено и некоторое удовлетворение требований служилого дворянства. Королевич Владислав обязывался повышать дворян по заслугам и разрешить право выезда за границу.

Договор 4 февраля облегчал для короля развитие наступательных операций против Москвы, которые теперь прикрывались условиями соглашения. По совету приближенных, король отправил для занятия Москвы отряд численностью в 6 тыс. человек под начальством гетмана Жолкевского. Навстречу ему был выдвинут московский отряд во главе с бездарным братом царя Дмитрием Шуйским. 24 июня 1610 г. около деревни Клушино произошло сражение, кончившееся полным поражением царских войск. В разгаре боя шведы и другие наемники перешли к полякам и тем облегчили Жолкевскому победу. Впоследствии поляки отпустили шведов, которые заняли часть Новгородской области. После сражения под Клушиным дорога на Москву была открыта. С другой стороны к столице подошел Лжедмитрий II. Москва была охвачена паникой. Служилые люди разбегались из армии. В столице началось волнение среди посадского населения. Правительство царя Василия Шуйского совершенно потеряло авторитет. Угроза захвата столицы тушинцами или поляками ускорила внутренний переворот.

17 июля 1610 г. дворяне во главе с Захарием Ляпуновым свергли Василия Шуйского. Чтобы лишить возможности в дальнейшем бороться за царскую власть, его насильно постригли в монахи. Однако дворянам, принимавшим участие в этом перевороте, не удалось захватить власть, которая перешла к правительству, образованному из состава высшего боярства во главе с князем Мстиславским. Оно состояло из семи представителей крупной знати, принадлежавших в большинстве к княжеским фамилиям. В литературе это боярское правительство известно под именем «Седьмочисленной думы», или просто «Семибоярщины».

Жолкевский, подошедший в начале августа к Москве, остановился в Можайске и держал под угрозой столицу; он ждал гонца от короля с инструкциями, и в то же время стремился договориться с боярским

правительством. Повидимому, он намеренно не трогал тушинцев, так как угроза со стороны последних заставляла боярское правительство быть более сговорчивым. В течение августа Лжедмитрий II сделал четыре попытки овладеть Москвой. За это время Жолкевский приобрел сторонников в составе боярского правительства. Полученная им инструкция от короля хорошо показывает отношение в Польше к московским боярам. Король предложил своему гетману внушить боярам, особенно князю Мстиславскому, стоявшему во главе правительства, что их служба королю будет с удовольствием принята и «щедро вознаграждена». «Это надо ему сообщить весьма осторожно со всеми подробностями при передаче посылаемого ему доверительного письма», - писал король. Король обещал сохранить вотчины и поместья и дать в придачу к ним новые земли «в порядке королевской милости».

Переговоры боярского правительства с Жолкевским закончились 17 августа 1610 г. заключением договора. В его основу были положены условия соглашения 4 февраля. Если февральский договор представлял собой компромисс между интересами боярства и служилым дворянством, то в договоре 17 августа явно преобладали боярские интересы. В связи с этим в договоре исчезло обещание повышать людей по заслугам и разрешать выезд за границу. После заключения договора с Жолкевским под Смоленск к королю было отправлено большое посольство (свыше 1 200 человек) с князем Голицыным и «нареченным» патриархом Филаретом, которое должно было просить королевича на московский престол. Посольство вело бесконечные переговоры, так как король, мечтавший стать московским царем, что означало бы династическую унию с Московским государством в интересах Речи Посполитой, не хотел отпускать сына и выполнять условия августовского договора. Между тем, опасаясь народного восстания в столице, боярское правительство изменнически впустило в Кремль польские войска. Москва в конце сентября была занята польским гарнизоном, начальником которого вместо уехавшего Жолкевского стал пан Гонсевский.

Правление Боярской думы продолжалось недолго. В Москву вместе с Жолкевским, а потом и позже, приехали люди тушинской «знати», которым поляки больше верили. В их руках оказалась фактическая власть. Под Смоленском было составлено расписание должностей, утвержденное королем. Боярская дума оказалась в самом униженном положении, она должна была послушно выполнять все распоряжения польского коменданта Гонсевского. Бояре жаловались, но на их жалобы никто не обращал внимания. Гонсевский приходил в думу, сажал своих советников и с ними решал дела, так что остальные бояре даже не знали, о чем идет разговор. На их обязанности было только скреплять эти решения своей подписью.

Борьба за национальную независимость

После занятия Москвы Сигизмунду III уже не было необходимости прикрываться условиями договора. Он не только не снял осады Смоленска, но продолжал расширять свои требования. Паны в переговорах с московскими послами требовали от них сдачи Смоленска, который продолжал мужественно отражать все приступы неприятеля. Посольство решительно отказывалось вы полнить это требование. Дворяне, находившиеся в посольстве, посылали письма в Москву, в которых описывали бедственное и унижительное положение посольства и призывали не подчиняться королю и его сыну, королевичу: «положите о том крепкой совет меж себя: пошлите в Новгород, и на Вологду, и в Нижней, нашу грамоту, списав, и свой совет к ним отпишите, чтоб всем было ведомо, всех землю обще стати..., покаместа еще свободны, а не в работе (рабстве), и в плен не разведены». После безрезультатных переговоров паны арестовали послов и отправили в Польшу.

Поляки в Москве обижали жителей, насильничали, грабили, издевались над русскими обычаями, разворовывали ценности, собранные во дворце. Поэтому уже в конце 1610 г. в столице начало расти сильное возбуждение против польской власти. Памятником этого движения является «Новая повесть о преславном Российском царстве», представляющая по своему содержанию воззвание к вооруженной борьбе с польским владычеством. Неизвестный автор этого воззвания, принадлежавший, повидимому, к московской служилой среде, называет бояр, заключивших договор с Жолкевским, «изменниками». «душепагубными волками». Он описывает тяжелое положение страны и населения, на которое наложены «безмерные и неподъятные кормы». Воззвание предупреждает, что польский король хочет овладеть Московским царством и посадить в нем своих подручников. В самой Москве поляки секут жителей саблями и расстреливают их из пищалей. Воззвание заканчивается призывом к восстанию: «Время, время пришло во время дело, подвиг показать и на страсть дерзновение учинити». В это же время против польской власти выступил глава православной церкви - патриарх Гермоген. По словам современников, Гермоген был грубым человеком, любил лесть, охотно слушал сплетни, но обладал большой волей и упрямством. После того как в Москве и по всей стране стало быстро нарастать народное движение против польского насилия, Гермоген, боявшийся в случае победы поляков за интересы православной церкви, открыто выступил против признания московским царем королевича Владислава. Собрав московских посадских людей в Успенский собор, он объявил, что освобождает их от присяги королевичу Владиславу и королю Сигизмунду. Затем Гермоген стал рассылать грамоты в разные города, призывая собраться всем из всех городов и идти к Москве «на литовских (польских) людей».

Когда несколько таких грамот было перехвачено боярами и поляками, Гермоген был взят сначала под стражу, а затем посажен в

заклучение. Однако угрозы и притеснения не сломили сильную волю Гермогена. До конца своей жизни он продолжал призывать к борьбе с польским господством. Призыв, обращенный к народу от высшего представителя церкви, еще больше усиливал народное движение. Среди городов, поднявшихся против поляков, одними из первых были Рязань на юге и Нижний-Новгород на северо-востоке. Оба эти города представляли собой важные экономические центры и подвергались не раз угрозе разорения со стороны тушинцев и поляков, но уцелели от погрома. В Рязани восстание против польского и боярского правительства в Москве поднял воевода Прокопий Ляпунов. Он опирался на рязанское дворянство, которое сильно страдало от господства поляков и опасалось репрессий со стороны Боярской думы. Прокопий Ляпунов обратился с призывами к южным и северным городам, где уцелели остатки старых войск царя Василия Шуйского. Затем он обратился к казакам, входившим раньше в Тушинский лагерь, и после распада последнего обосновавшимся в Туле и Калуге. Большая часть тушинских казаков во главе с Иваном Заруцким и князем Дм. Трубецким присоединились к Ляпунову.

Ляпунов рассылал грамоты и другим казачьим отрядам, разбросанным по разным городам, обещал всем дать жалованье, порох и оружие. Его призыв обращался также и к холопам, - «к боярским людям, крепостным и старинным». Ляпунов убеждал их идти в ополчение «без всякого сомнения и боязни», обещал им волю и жалованье, как казакам.

Начавшееся в Рязани движение в короткое время охватило всю область заокских городов, находившихся на юге от Оки. На севере движение распространилось от Нижнего-Новгорода по всему Поволжью. Города присылали друг к другу грамоты, с призывами собираться в ополчение. Ярославцы, например, сообщали в Вологду, что к ним подошли польские паны и теснили их поборами, но ярославцы отказались им платить. Уже в феврале 1611 г. из разных мест началось движение казачьих и дворянских отрядов к Москве.

Польский гарнизон в Москве, получив известие о сборе из разных мест ополчений для похода на Москву, приступил к спешному укреплению стен Кремля и Китай-города. Нуждаясь в рабочей силе, паны требовали, чтобы москвичи помогали им устанавливать пушки. Ссора, возникшая по поводу этих требований, перешла в уличную драку, которая 19 марта превратилась в восстание московского населения. Улицы Москвы покрылись баррикадами из возов, бревен и пр.; с крыш домов, с заборов, из окон в поляков стреляли, бросали камни, били дубьем.

Храброе сопротивление полякам оказал отряд, которым командовал князь Д.М. Пожарский. Он укрепился на Сретенке вблизи своего двора и превратил эту часть посада в настоящую крепость. Во время сражения сам князь Д.М. Пожарский был ранен. Между тем к Москве стали подходить передовые части ополчения. Опасаясь оказаться под ударами ополченцев и восставшего населения, комендант польского гарнизона Гонсевский по совету бояр приказал сжечь Москву. Пожар, быстро охвативший деревянные дома московского посада, продолжался несколько дней.

Поляки при приближении главных сил ополчения отступили за черту Кремля и Китай-города, удержав за собой и западный участок Белого города.

В течение марта и апреля ополченцы, подходившие из разных городов становились вокруг Кремля и Китай-города. Однако у Ляпунова не было достаточно сил, чтобы освободить Москву. При этом в ополчении произошел внутренний разлад, бывший результатом неустраимых классовых противоречий. Ополчение резко делилось на две части - дворянскую и казачью; остальные слои населения не играли в нем заметной роли. Дворяне стояли отдельно от казаков и с недоверием относились к своим недавним врагам, большинство которых участвовало в Тушинском лагере.

Чтобы придать некоторую организованность разнохарактерному составу ополчения, вожди ополчения Прокопий Ляпунов, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и Иван Заруцкий составили приговор 30 июня 1611 г. Это соглашение имело целью создать временный Совет (правительство), который должен был ведать ратным делом и разбирать все возникающие вопросы. Приговор ясно отразил различие классовых интересов в ополчении и в целом представлял собою документ дворянского происхождения.

Главный вопрос, который интересовал дворян, заключался в упорядочении землевладения, сильно расстроеного в годы крестьянской войны и польской интервенции.

Приговор показывает, что среди дворянского ополчения господствовало ядро, состоявшее из служилых людей царя Василия Шуйского. Было решено пересмотреть земельные пожалования, данные тушинским «царьком», и привести их в соответствие с владениями «московских сидельцев» (дворян, сидевших в осаде в Москве). Вопрос о крестьянах решался в интересах всего землевладельческого класса. В годы крестьянской войны крестьяне многих владельцев ушли из своих деревень и частично превратились в казаков. Кроме того, дворяне сами вывозили крестьян из соседних имений. Наконец, многие крестьяне, не спрашивая разрешения помещиков, поселились по городам и посадам. Приговор постановил произвести розыск всем ушедшим от владельцев крестьянам и вернуть их обратно к старым помещикам.

В приговоре с такой же ясностью отразилось недоверие дворян к казакам. Казаков предполагалось вывести на дворцовых и черных сел (государственных волостей), чтобы они «насильства никоторого по городам и в волостях и на дороге грабежев и убивства» не чинили. Было решено отпускать казаков для сбора кормов лишь в сопровождении «добрых дворян».

Для управления делами ополчения были восстановлены главнейшие приказы. Особое значение имело восстановление приказов, занимавшихся сбором денежных налогов, поместным землевладением и военной службой дворян.

Приговор 30 июня, пытавшийся создать определенный порядок и утеплить положение дворянства, в действительности внес еще больший разлад. Казаки не хотели подчиняться дворянам и даже производили на них

вооруженные нападения. Ляпунов, призывавший холопов присоединиться и ополчению с обещанием освободить их от неволи, не думал выполнять этого обещания. Столкновения с казаками закончились в конце июля 1611 г. убийством в казачьем кругу самого Ляпунова. После его смерти ополчение стало распадаться. Казаки, не получавшие снабжения, жили за счет грабежа населения. Большинство дворян разъехалось по поместьям. Под Москвой осталось казачье войско во главе с Иваном Заруцким и князем Дм. Трубецким.

Летом 1611 г. положение страны стало особенно тяжелым. Смоленск пал 3 июня, после почти двухлетней героической обороны. Во время последнего присела, когда неприятель ворвался внутрь крепости, защитники сами взорвали большой пороховой погреб. Под развалинами упавших зданий погибли и русские, и поляки. Защитники Смоленска, не желая отдаваться врагу, бросались в огонь. В Польше взятие Смоленска было отпраздновано с особым торжеством, которое тянулось несколько дней. Римский папа даже объявил, что отпустит грехи всем, кто посетит в Риме церковь в честь св. Станислава, считавшегося «покровителем» Польши.

Швеция, воспользовавшись ослаблением Русского государства, стала расширять область интервенции. После сражения под Клушиным шведы заняли все побережье Финского залива. В июле 1611 г. они овладели крепостью (острогом) на Софийской (левой) стороне Новгорода. После этого они принудили Новгород заключить договор об образовании под властью шведской короны особого Новгородского государства. Предполагалось, что в Новгороде будет посажен «государем» один из сыновей шведского короля. Это должно было положить начало полному присоединению северо-западных русских земель к Швеции.

Распад первого ополчения, однако, не привел к ослаблению народной борьбы наоборот, в то время как под Москвой происходило полное разложение остатков ополчения, в Нижнем-Новгороде образовывается новый центр народной борьбы с польским господством.

Нижний-Новгород был одним из самых богатых и многолюдных городов среднего Поволжья. Экономически он был связан со всей волжской речной системой, для которой являлся главным торговым центром. Нижегородский посад насчитывал до 2 тысяч дворов. Этим объясняется политическая роль Нижнего-Новгорода, не пострадавшего от поляков, по находившегося под угрозой разделить участь с другими разоренными городами.

Движение в Нижнем-Новгороде в пользу образования нового ополчения, начавшееся осенью 1611 г., выдвинуло замечательного организатора народных сил в лице земского старосты Кузьмы Минина-Сухорукова. Кузьма Минин принадлежал к составу посадского населения и занимался мясной торговлей. Будучи земским старостой, Кузьма Минин не позже середины сентября выступил с обращением ко всем посадским людям: «Будет нам похотеть помочи Московскому государству, и но нам не пожалети животов своих, да не только животов своих, ино не пожалеть и дворы свои продавать и жены и дети закладывать». Пример патриотической

жертвы подал сам Минин, который, по свидетельству одного писателя первой половины XVII в., «мало себе нечто в дому своем оставив, а то все житие свое положив пред всеми на строение ратных людей». Этому примеру последовали многие другие. По предложению Минина нижегородцы составили приговор, что им всем быть «послужными и покорливыми» и давать деньги ратным людям. Помимо добровольных пожертвований был установлен обязательный сбор, причем нижегородцы дали Кузьме Минину право «страх на ленивых налагати» и продавать дворы укрывающихся плательщиков. Организация ополчения, требовавшая крупных расходов, сразу была поставлена на прочное материальное основание.

По предложению Кузьмы Минина выбор военачальника пал на князя Д.Д. Пожарского. Князь Пожарский принадлежал к измельчавшему и обедневшему роду Стародубских князей. Начав службу в качестве стольника. Пожарский выдвинулся во время борьбы с поляками при царе Василии Шуйском. В те годы, когда политическая неустойчивость охватила даже близкую к царю княжескую знать. Пожарский ни разу не обнаружил «шатости». В борьбе с поляками он выказал необычайные военные способности. Этим объясняется его большая популярность среди посадского населения. Раненый в бою с поляками в Москве во время подхода первого ополчения. Пожарский лечился в своей родовой вотчине в Суздальском уезде. По приглашению нижегородцев князь Д.М. Пожарский стал воеводой народного ополчения.

Грамоты из Нижнего-Новгорода с призывом подняться на общее дело быстро распространялись среди поволжских городов. Одними из первых на этот призыв откликнулись мелкие смоленские и другие помещики, изгнанные поляками из родных мест. Затем поднялись города верхнего бассейна Волги.

Таким образом, зародившееся в Нижнем-Новгороде ополчение постепенно становилось общенародным делом. Ближайшая цель ополчения сводилась к освобождению страны от иноземных захватчиков. Об этом ясно говорили грамоты, рассылавшиеся из Нижнего-Новгорода: «...быти всем нам православным христианам в любви и в соединении, и прежнего межусобства не счинати, и Московское государство от врагов наших, от польских и от литовских. людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному христианству отнюдь не чинити, и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земля не обирати».

Общая обстановка не позволила, однако, начать поход непосредственно к Москве. Польский гарнизон в Москве был усилен подходом новых пополнений. Движение на Москву по местности, в которой еще бродили польские отряды, представляло большую опасность. Кроме того, не была выяснена позиция казацкого войска, стоявшего «табором» у стен столицы во главе с Заруцким и Трубецким. Бояре, сидевшие в Москве с поляками, узнав о сборе нового ополчения, разослали грамоты, требуя присяги на имя королевича Владислава. Между тем различные города, преимущественно верхнего Поволжья, сами стали обращаться за по-

в Нижний-Новгород против польских шаек, рыскавших в поисках продовольствия, а также и тех казаков, которые не примкнули к ополчению. Когда казаки Заруцкого пошли занять Ярославль, то из Нижнего-Новгорода был поедая отряд, который при содействии самих ярославцев освободил город.

В конце марта в Ярославль прибыли главные силы нижегородского ополчения. Эта остановка, занявшая около 4 месяцев, имела большое значение. В Ярославле была закончена организация военных сил ополчения и был образован временный «Совет всей земли», нечто вроде Земного собора. В отличие от первого ополчения, состав второго ополчения охватывал все основные слои населения, за исключением высшей феодальной знати. Военное ядро ополчения составляло лучше организованное и вооруженное мелкое дворянство. Крупную роль играли посадские люди; с течением времени в ополчение стали вливаться казаки. В нем участвовали крестьяне, не только русские, но и другие-татары, марийцы. В «Совете» ополчения в отличие от обычного состава Земских соборов, высшее духовенство и боярство играли крайне ничтожную роль (было, повидимому, только четыре «думных чина»). Огромное большинство «Совета» принадлежало к составу мелкого провинциального дворянства и посадского населения. Не исключена возможность участия в «Совете» крестьян дворцовых и черных (государственных) волостей. Таким образом, «Совет», представлявший собою правительство нижегородского ополчения, в отличие от Земского собора, был лишен высшей феодальной верхушки.

В летние месяцы 1612 г. обширный край Замосковья, до Волги включительно, был почти полностью освобожден от поляков и враждебных ополчению казацких отрядов. Огромное значение при этом имела партизанская война, которая ставила польские силы под угрозу жестокого голода и способствовала их де-морализации. Участник польской армии Маскевич рассказывает, как зимой 1612 г. польский отряд стоял на Волге около деревни Родня, крестьяне которой занимались в качестве промысла приготовлением квашеной капусты. Эта капуста очень понравилась полякам!: «Мы не могли досыта наесться ею, но за эту вкусную капусту мы заплатили своими боками». Крестьяне неожиданно нашали на польский отряд и захватили все оружие. Шляхтичи с трудом спаслись в поспешном бегстве. Маскевич приводит и другой не менее характерный рассказ: в марте 1612 г. польский отряд по лучил приказ со съестными припасами пробиться к Москве. Под Можайском, в одной деревне, шляхтичи поймали старика - крестьянина и заставили его быть проводником. Не зная местности, не имея карт, поляки боялись заблудиться и попасть в Волоколамск где уже стояли ополченцы. Старик-крестьянин ночью умышленно повел поляков на русский отряд. Лишь случай спас поляков от гибели. Проводнику отсекали голову, «но страха нашего никто навознаградит», - вспоминает Маскевич. Примеров подобного героического самопожертвования безвестных, простых людей, от-дававших свою жизнь ради защиты родины, было много. На этой почве сложилась легенда об Иване Сусанине. Основой легенды является действительный случай, весьма напоминающий гибель проводника,

описанный Маскевичем. Иван Сусанин был крестьянином села Домнина, Костромского уезда. Поляки в 1613 г. требовали от него указать, где находятся русские люди и только что избранный царь Михаил Романов. Несмотря на то, что старика Сусанина пытали «великими немерными муками», он, зная местопребывание русских, отказался сообщить какие-либо сведения полякам, которые замучили его до смерти.

После освобождения от поляков и враждебных казацких отрядов верхнего Поволжья и территории, лежавшей на юг от Волги, вожди ополчения послали отряды для занятия окских городов. Благодаря этому, Москва одновременно охватывалась с севера и с юга. По мере усиления народного ополчения положение казацких таборов под Москвой становилось все более и более тяжелым. Это вызвало со стороны Трубецкого и Заруцкого необходимость посольства в Ярославль с предложением объединиться. Чтобы подкупить Пожарского, ему предлагали богатые села в Костромском уезде. Однако Пожарский отказался от этого подарка. Дальнейшие события показали, что вожди подмосковного казачества действовали неискренно. Во второй половине июля в Ярославле было произведено покушение на Пожарского, организованное, по-видимому, Заруцким.

В Польше были очень встревожены теми размерами, которые приняла борьба русского народа. На помощь польскому отряду, засевшему в Москве, был отправлен новый сильный отряд с продовольствием под начальством гетмана Ходкевича. Известия о нем заставили Пожарского и Минина немедленно двинуться к Москве. Первый отряд из Ярославля прибыл к Москве 24 июля и стал отдельно от казаков у Петровских ворот, построив там укрепленный острожек. В августе стали прибывать новые части. Заручки и убедившись в твердости политики «Совета» народного ополчения, пытался завести сношения с Ходкевичем, но был разоблачен перед казаками, которые возмутились его предательством. В конце июля он ушел на юг от Москвы, уводя с собой около половины бывших с ним казаков. Остальная половина осталась вместе с казаками Трубецкого.

Главные силы ополчения выступили из Ярославля к Москве в конце июля. Когда Пожарский находился недалеко от Переяславля-Залесского, к нему прибыл немец Яков Шав, сообщивший с прибытии отряда наемников в Архангельск. В ответ на предложение помощи со стороны этого наемного отряда, продававшего свое оружие, Якову Шаву было сказано, что «все Московское государство учинилось в соединении и против польских и литовских людей стали все и стали единомышленно и бьемся... за свое отечество без жалованья...и, чаючи милости божией, оборонимся от польских людей сами Российским государством и без наемных людей». В заключение предлагалось иностранцами-наемникам в Московское государство не приезжать и «тем себе убытку не делать».

Недалеко от Москвы в ополчении были получены сведения о приближении по Можайской дороге Ходкевича со свежими польскими войсками. 19 августа главные силы ополчения сделали последнюю остановку на реке Яузе. Здесь велись переговоры с представителями

Трубецкого, который уговаривал вождей ополчения присоединиться к казачьим таборам в Замоскворечье, но получил решительный отказ. Помимо недоверия к казакам, место, занятое Трубецким, совершенно не годилось для обороны Москвы, так как находилось в стороне от Можайской дороги. На следующий день главные силы ополчения с утра подошли к Москве и заняли линию вдоль стен «Белого города» - от Никитских ворот до Москва-реки (линию нынешнего бульварного кольца А). Минин и Пожарский остановились у Арбатских ворот. Укрепившись на этой позиции, ополченцы преградили путь Ходкевичу, которого ждали со стороны Поклонной горы, т. е. от Можайска. Ходкевич начал подходить к Москве на следующее утро.

22 августа Ходкевич с утра переправился через Москва-реку возле Новодевичьего монастыря и подошел к Чертольским воротам (площадь строящегося Дворца Советов). Трубецкой, стоявший в Замоскворечье, попросил у Пожарского несколько конных сотен. Пожарский тотчас послал ему пять лучших сотен казаков. После переправы у Чертольских ворот Ходкевич всеми силами набросился на ополченцев Пожарского, стремясь прорваться в Китай-город. Несмотря на то, что ожесточенное сражение продолжалось около семи часов, Трубецкой оставался пассивным зрителем. В его «таборе» с насмешкой говорили об ополченцах: «богато пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от етмана».

Большим преимуществом Ходкевича являлись его кавалерийские хорошо вооруженные части, которым не могла противостоять конница Пожарского. Пожарский, как опытный воевода, во время оценил преимущества неприятеля и приказал своим воинам сойти с коней и биться пешими. Тогда казачьи сотни, посланные Пожарским Трубецкому, увидев трудное положение ополченцев, сами пошли к ним на помощь, не спрашивая разрешения начальников. К ним также самостоятельно присоединились некоторые атаманы Трубецкого. Они кричали Трубецкому, что «в вашей нелюбви к Московскому государству и ратным людям пагуба становится». К концу дня Ходкевич с большим уроном был отброшен. На месте сражения было подобрано и закопано больше тысячи трупов. Ночью примерно 600 гайдукам при помощи русского изменника удалось проникнуть в Кремль и усилить польский гарнизон. На следующий день обе стороны деятельно готовились к возобновлению сражения. Часть ополченцев Пожарский перевел на правый берег реки. 24 августа Ходкевич начал сражение нападением на ополченцев в Замоскворечье. После упорного боя Ходкевичу удалось на этом участке опрокинуть ополченцев. Между тем Трубецкой продолжал бездействовать и даже отошел несколько назад, что позволило полякам занять очень важное место у церкви Климента. Тогда Авраамий Палицын, келарь Троицкого монастыря, отправился в казацкие таборы и добился их согласия принять участие в сражении, пообещав отдать драгоценную монастырскую казну. Одновременная атака казаков и ратников Пожарского на польский острожок у церкви Климента привела к успеху. Почти весь гарнизон был перебит, одних венгров было убито до 700 человек. Этим была предотвращена опасность прорыва в Кремль со стороны Замоскворечья.

Под вечер этого дня Кузьма Мини к пришел к Пожарскому и стал просить у него людей. Пожарский ответил: «емли ково хочеши». Минин взял несколько сотен, переправился с ними через Москва-реку и напал с фланга на польские конные и пешие роты. Неожиданное нападение привело поляков в большую панику, они не выдержали и побежали к своему лагерю. Успешный натиск Минина стал сигналом к общему наступлению: «пошли тискама» к польскому лагерю. Теснимые ополченцами, Ходкевич «в великой ужаси» отошел к Донскому монастырю, где его отряд стоял всю ночь, не слезая с коней. На следующий день Ходкевич не решился на возобновление попытки прорваться в Кремль. Вскоре он отошел от Москвы - «срама же ради своего прямо в Литву поидоша».

С уходом Ходкевича участь польского гарнизона в Москве была решена. Победа Минина и Пожарского в сражении с лучшими польскими войсками высоко подняла авторитет вождей ополчения. Трубецкому не оставалось другого выхода, как присоединиться к ополчению. Поляки, сидевшие за стенами Китай-города и Кремля, оказались в замкнутом кольце осады. Среди польского гарнизона начался голод. 22 октября штурмом была взята Китай-городская стена. Остатки польских войск отступили в Кремль. Однако они не могли больше сопротивляться и через несколько дней сдались вождям ополчения.

26 октября 1612 г. ополченцы вступили в Кремль. Москва была освобождена.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

- 1584--1598. Царствование Федора Ивановича.
1597. Указ о разыскивании беглых крестьян в течение 5-ти лет.
1598-1605. Царствование Бориса Годунова.
1603-1604. Восстание под предводительством Хлопки.
1604. Октябрь Вступление Лжедмитрия I на территорию Русского государства.
1606. 17 мая. Восстание против поляков в Москве и убийство Лжедмитрия I.
1606-1607. Народное восстание под предводительством Ивана Болотникова.
1608. Июнь -
1610. Март. Тушинский лагерь под Москвой.
1609. Вторжение польско-литовского войска с королем Сигизмундом III на территорию Русского государства.
Сентябрь. Приход первого ополчения к Москве.
1611. Март - апрель.
1611. Июль. Распространение шведской интервенции на Новгород.
1611. Сентябрь-октябрь. Образование второго ополчения в Нижнем Новгороде.
1612. Освобождение Москвы от поляков.
Октябрь 26.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Крестьянская война в начале XVII в, и борьба русского народа с польской и шведской интервенциями	
Предпосылки крестьянской войны в России в начале XVII в.	2
Положение страны перед началом крестьянской войны	3
Лжедмитрий I - ставленник польских интервентов	9
Народное восстание под предводительством Болотникова.	16
Польско-литовская и шведская интервенции	20
Борьба за национальную независимость	29
Хронология.	38